

..... МАРК КАЗАРНОВСКИЙ .....

Из жизни военлѣта

..... 1920-е — 1940-е годы .....

и другие истории

Марк Яковлевич Казарновский

Из жизни военлета и другие истории

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42601694

Из жизни военлета и другие истории / М.Я. Казарновский: Алетейя;

Санкт-Петербург; 2018

ISBN 978-5-907030-34-3

Аннотация

Двенадцатая книга Марка Казарновского посвящена Революции 1917 года. Автор показывает, как его герои, парнишки из черты оседлости, бросились в океан свободы под названием Россия. Они хотели свободы. От мелочной религиозной опеки. Хотели сами видеть, творить, и – главное – дышать этим воздухом свободы, подняться в небо, где нет границ. Но потихоньку стали осознавать – а что дальше? И будет ли свет в конце тоннеля.

Несколько особняком стоит повесть «Мертвецкая». Но и она, в конечном итоге, о том же. О жизни, о многонациональном составе советского народа и, конечно – о любви, ибо, в конечном итоге, только она и побеждает.

Повести легко читаются, вы, уважаемый читатель, поймете, что многое, очень многое в повестях основано не только на фантазии автора.

Содержание

Предисловие от автора	5
Из жизни военлета и другие истории. 1920-е – 1940-е годы	7
Глава I	7
Глава II	19
Глава III	25
Глава IV	30
Глава V	37
Глава VI	41
Глава VII	50
Глава VIII	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Марк Казарновский

Из жизни военлета и другие истории. 1920-е – 1940-е годы и другие истории

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы как истории планет.
У каждой все особое, свое,
И нет планет, похожих на нее.*

*А если кто-то незаметно жил
И с этой незаметностью дружил,
Он интересен был среди людей
Самой неинтересностью своей.*

*У каждого – свой тайный личный мир.
Есть в мире этом самый лучший миг.
Есть в мире этом самый страшный час.
Но это все неведомо для нас.*

*И если умирает человек,
С ним умирает первый его снег,
И первый поцелуй, и первый бой...
Все это забирает он с собой.*

*Да, остаются книги и мосты,
Машины и художников холсты,*

*Да, многому остаться суждено,
Но что-то ведь уходит все равно!*

*Таков закон безжалостной игры.
Не люди умирают, а миры.
Людей мы помним, грешных и земных.
А что мы знали, в сущности, о них?*

*Что знаем мы про братьев, про друзей,
Что знаем о единственной своей?
И про отца родного своего
Мы, зная все, не знаем ничего.*

*Уходят люди... Их не возвратить.
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
От этой невозвратности кричать.*

Евгений Евтушенко, 1961

Предисловие от автора

В 1917 году в мире, особенно в Европе, произошли исторические события, перевернувшие устоявшееся мироустройство.

Произошла революция 1917 года. Восторженный российский народ, еще мало что понимавший, бурлил, крутился, путался, метался. Да и как не метаться!

Меньшевики, большевики, эсеры, кадеты, бундовцы, дашнаки, анархисты, просто воры и бандиты, дезертиры. Да мало

ли, кто искал эту революцию. Бежал к ней. Прятался от нее.

Так и наши герои, провинциальные, местечковые юноши, бросились вместо Торы изучать Марксову экономику или Военное дело. Но в те годы волна жизни сама решает, кого утащить в пучину, кого выбросить на берег.

Вот и наши герои – то были вброшены в самый центр революции, то строили новую авиацию, то просто пытались жить.

Но пока ребята вырывались из черты оседлости в русскую жизнь, избавляясь от запретов, мелочных придинок, они хотели личной свободы, поэтому так бездумно и беспечно забросили язык свой, культуру местечек, наставления и вековой опыт раввинов. Но неожиданно стали осознавать, что революция-то – вот она – а что дальше? Впору лишиться рассудка. Удержатся ли от этого наши герои, вы, дорогой читатель, поймете, дочитав до конца эту книгу.

Вперед!

Из жизни военлета и другие истории. 1920-е – 1940-е годы

Глава I

Обрывки записок военного инвалида на пенсии

О чем думает и говорит, и снова думает, пожилой мужчина. Проживающий в засоренном и запыленном донельзя Липецке. Что недалеко от Воронежа.

Но это теперь, когда Липецк – кузница металлургии, где много пыли, грязи и постоянного грохота. Что хотите, металл просто так не рождается. Не даром иногда рабочий человек после смены у мартена дома и рюмку поднять не может. Этот металл съедает не только траву да деревья, не только воздух да птиц разных. Съедает он и человека.

А государство наше, кстати, рабочих и крестьян, все требует и требует – подай металл. Родина ждет. Родина тебе и благодарна будет. Как же, как же!!

Я уже полный, можно сказать, старик. И не хвастаюсь, дожил до девятого десятка. У стариков есть этакое, я замечал, старческое. Хвастовство.

Чем мы хвастаемся? Кроме, конечно, возраста. Во-первых, теми подвигами или свершениями, которых никогда и не было. Но, все уже поумирали, поэтому перед молодыми, во дворике, можно и распусть это самое, пух-перо. Мол, как самого Махно громил, или в разведке взял генерала Вермахта очень важных кровей, или вообще, сам этот рассказчик намекал, мол, теперь сказать можно. Можно приврять, что я-то сам из рода барона Врангеля. Или Ротшильда. Только и сейчас об этом глубоко дворянском происхождении лучше молчать. Или о возрасте, да загнуть лет на 10 вперед.

Итак, первое старческое – хвастовство. Второе старческое – дамский пол. Его уж давно нет у деда, а все тянет куда-то. В задымленные дали. Где бегала когда-то Валька, Нинка или Галка – Манька или еще кто. Ноги в цыпках, руки с обкусанными ногтями, губы чуть припухшие. Боже, боже, как желанна эта Валька – Галка, Манька или как. Да вот уже никогда не появится, когда ты бредешь по окраинной улочке к речке. Может она сейчас там, да без рубашки, купается! Увы, нет. Не купается.

И третье, особенное и очень даже свойственное нам, пожилым – воспоминания детства. Особенно, если детство пропахло оладушками, кудахтаньем и петушиным криком, и теплыми руками мамы.

Я даже вывел формулу: «Когда тебе под девяносто, не оборачивайся назад. Обязательно попадешь в воспомина-

нья».

В общем, пора представиться. Я, подполковник ВВС СССР¹ (а не России) в отставке, ветеран войны на Халхин-Голе, Финляндии. Специальность – летная, владею навыками вождения ТБ-3² и стрелка-радиста. Летал истребителем на ЯК-1, ЯК-2, ЯК-3.

Всяко было в моей жизни, но следует добавить – нужно за все благодарить небеса. Особенно нам, летчикам. Мы к ним, небесам, все-таки немного ближе.

Зовут меня Федор Михайлович Запрудный. Имя мое в детстве было простое – для еврейского местечка в Белоруссии. Просто звали меня Файтл. А уже на улице добавили – Файтл – цапля. Думаете, это потому, что длинный, тощий, с носом и все время смотрю вниз, в лужи? Как цапля.

Нет. Я – небольшого роста и смотрю даже не вниз, а вверх, на небо. А «цапля» – за мои «спортивные» достижения. Ибо на улице я дольше всех мог стоять на одной ноге. Прямо как цапля. Вот и стал – Файтл-цапля.

Папа мой, Моисей, работал на лесном заводе, а сестры... Ну что сестры. Хихикали, шептались. Гоняли меня – Файтл – сюда, Файтл – туда.

Я про местечко свое забыл совершенно. Побудьте бомбейром хоть один вылет – поймете. Но – все по порядку, пока ко мне возвращается мое местечко, мои ребята, мое ученье

---

¹ ВВС СССР – Военно-воздушные силы СССР.

² ТБ-3 – тяжелый бомбардировщик Туполева.

и мой дом. Иногда все – как в тумане, а вот праздники так ярко высвечиваются в памяти. И снова я становлюсь Файтлом-цаплей.

На пасху меня гоняют по всему дому. Найти и выбросить хамец³. И Боже сохрани хоть чуть поесть или сохранить хамец дома. Папа и отшлепать может.

А потом эти сестрички – лентяйки заставляют меня помогать им готовить пасхальный стол для седера⁴. Ты смотри, сколько десятков лет прошло, а я не забыл. Не забыл про мацу, про бокалы для вина, не забыл подать и пасхальную тарелку с особыми выемками для мяса, яйца, зелени, для харосета⁵ и хрена.

Дальше у меня все мешается и только помню начало кадиша⁶, что папа произносит над пасхальным столом (а есть как хочется!)

А потом – трапеза и все хвалят меня – какой помощник!

Странно, но с детства меня тянуло к железкам. И не книги или сапожки я просил у папы. А только или тисочки, или напильник-рашпиль, или молоток, или долото. Папа хмыкал, но приносил. А летом, чтобы не «байстрюковал», неожиданно отдал меня на Кузнечную улицу, к Шлойме-каторге. Шлойме с сыном и работником превращали куски железа в

---

³ Хамец – зерна пшеницы, полба, рожь, ячмень и овес.

⁴ Седер – пасхальный ужин.

⁵ Харосет – смесь из тертых яблок, орехов, корицы и вина.

⁶ Кадиш – молитва, освящение.

плуги, бороны, оси для телег, ободы, шкворни. Да мало ли во что. И я теперь, в летние дни, уже не болтался с ребятами, играя в лапту или еще какие-нито глупые игры, а важно шагал в кузню Шлойме, где начинался звон-перезвон, стук-перестук. Да, я работаю у самого «каторги». Шлойме отличался вспыльчивым нравом и огромной силой. Поэтому, однажды повздорив с крестьянами, ахнул одного беднягу в ухо и загремел на каторгу. Его сын Лейба, мой дружок, рассказывал, что в Сибири на каторге на спор ели людей. Я однажды с замиранием сердца спросил у Шлойме, правда ли это и каково. Шлойме долго хохотал и сказал:

– Вот придет этот мой проказник Лейба, я выстригу у него на голове полосу. Будет знать, как врать про отца родного. – И шепотом добавил: – А потом мы его съедем.

Сердце падало в пятки, хотя я и понимал – Шлойме шутит.

Я разводил огонь, клал в угли болванку. Сегодня будем делать шкворень.

Кузнечная улица постепенно наполняется шумом и гамом. Перекликаются бондари, хлопают кожами шорники, гремят ободами колесники. Крики, шутки, подначки. Жизнь.

Вот жена Шлойме несет нам горшки с едой. Пора обедать. Моем руки. Шлойме произносит короткую молитву и все мы набрасываемся на еду.

– Ешьте, ешьте, работнички вы мои, – приговаривает

Шлоймова жена. И тут же отвечает соседке: – Знаешь, Фира, лучше съесть двух гусей, чем один раз пойти к доктору. Гуси обойдутся дешевле.

Постепенно я отвыкал от школы и дома руки уже мыл небрежно. Как хорошо было положить на стол темные, трудовые, в ссадинах руки с впитавшейся стальной пылью и видеть, как отец незаметно подмигивает матери. Мол, положи ему побольше, трудовому человеку. Я слышу незнакомые мне имена Маркса или какого-то Троцкого. Но какое мне до них дело. Меня мучает мысль, как сказать папе, что я хочу бросить школу и стать кузнецом, или шорником, или бондарем, или токарем.

Еще не знаю, как все это мне в жизни пригодится.

А пока наступает осень, и я снова иду в школу. В свой хедер. К своей «хевре»⁷.

Да, вспомнил, что мне нужно сегодня сделать. Полить цветы. У меня ведь, как у каждого нормального военного в отставке, есть палисадник. А в нем – цветы. И их нужно поливать.

Сейчас снова поплыли воспоминания детства. Учеба. Ибо «кузнечный цех» я уже прошел. Нужно было, как говорил папа, становиться умным. А-то будешь как кантор⁸. Писка – много, а булка всегда без масла. Папа говорил мне – ты должен быть не по книжному делу, а по инструментам. У тебя

---

⁷ Хевра – братва, блатная компания (древнеевр).

⁸ Кантор

руки к этому делу тянутся. Но читать, писать, да Тору знать – первая обязанность каждого еврея. Вот я и начал познавать Тору.

Наша семья была не богатая, но и не особенно бедная. Поэтому меня отдали не в талмуд-тору – где обучались бесплатно дети неимущих, а в хедер – за плату. Но и за подзатыльники. Хотя в принципе мы жили дружно и долбили Талмуд. Вот спросите – ничего не помню. И задача моя была простая – быстрее этот хедер пройти да на Кузнечную улицу.

Что это вдруг вспомнил популярную песенку моей любимой Толкуновой: «А мне мама, а мне мама целоваться не велит...» К чему бы? Целоваться то еще было очень рано. А мама и папа меня пугали. Или по окончании хедера отправят меня к раввину продолжать изучение Талмуда в синагоге или пошлют в иешиву⁹. Но пока я твердо сидел в хедере, посматривал в грязное окошко полуподвального класса на свою любимую Кузнечную и посмеивался вместе с другими хулиганишками над Бублом-тублом, который никак не мог сложить два плюс пять. Уж наш учитель ему и примеры из жизни приводит:

– Бубл, дорогой, послушай. У тебя в брюках в одном кармане два рубля, а в другом – три. И сколько будет всего?

Бубл долго думал, переспрашивал и наконец отвечал:

– Если в одном кармане два рубля, а в другом три – то это не мои брюки.

---

⁹ Иешива – высшее религиозное учебное заведение (иврит).

Ну, смех смехом, а после хедера грозила нам иешива. Что никого из моих друзей не радовало. Нам уже исполнилось по 10–12 лет и мы намечали себе трудовую, достойную жизнь. С семьей, небольшим гешефтом и традиционной ге-филте-фиш на пасхальные праздники.

Но иногда со мной что-то случалось. Я, соревнуясь с ребятами, стоя на одной ноге, вдруг чувствовал себя настоящей цаплей. Которая может взлететь в эту бездонную синь. И лететь над речкой и прудиками, свесив ноги и разглядывая лягушек и прочих Божьих тварей. А вдруг – тишина.

«...И мы летели сквозь грозу,
Смешно, как цапли, свесив ноги.
Оставив далеко внизу
Сады, дома и синагоги...»

/Анатолий Орлов/

Я и представлял себе, что вот так, когда-нибудь, улечу из моего местечка в иной мир и уже не буду Файтл-цапля, а просто настоящий мужчина. И может у меня даже появится жена.

Тут мои мечты обрывались и я даже терял равновесие. На радость друзьям-соперникам. Слава Богу, не знали они и даже не догадывались, о чем я мечтаю. Надо же, о небе! Ха!

А пока учитель мучает нас устным счетом. Который мы, слава Богу, всячески оживляем своими «сверхумными» хохмами. Например:

– Борух, сколько будет восемьдесят плюс девяносто?

– Рубль семьдесят, ребе.

И так далее. Веселимся. Иногда наш хахем¹⁰ – учитель пишет записки родителям. Например: «Уважаемый реб Меер. Мойте вашего Абрама, он пахнет». И получает достойный ответ: «Уважаемый реб Сфорим. Абрама нужно учить, а не нюхать».

Дома тоже происходят интересные вещи. Все-таки, когда в доме много женщин, то и событий значительное количество. Вот, у старшей, Пэрл, а по-русски это Полина, стал появляться молодой человек. Евсей, сын Пинхуса. Что из соседнего штеттла. Предлоги визитов даже мне кажутся идиотскими. То книгу взять. То вернуть. То переплести Тору. И так далее. Папа вообще не обращает внимания на эти визиты. Мол, этих парней, как стая тараканов. И каждый хочет прибежать первым.

Моя мама, Ребекка, поехала даже в это местечко. Да что там ехать. Можно и пешком. Но мама – поехала-таки. И вернулась довольная. Этот Пинхус держит, как оказалось, веревочную мастерскую. И работницы у него довольные. И Евсей, то есть наш претендент, получил характеристику порядочного молодого человека.

Ужинают они при двух лампах-трехлинейках. Это значит, что на керосине не экономят и любят свет при святом ужине. А Пинхус еще и в ихней синагоге не последний человек.

---

¹⁰ Хакхем – мудрец (идиш).

Ведет там какую-то бухгалтерию.

Все это я подслушал, но нашей фифе – Полинке решил пока не рассказывать. «Успеензех» – как говорила моя мама. А пока родители притворяются, что Евсея видят редко и приглашают всегда в дом церемонно и чинно. Мол, пусть сидят и о книжках рассуждают.

Я уже и раздражаюсь, когда слышу:

– Что вы читаете сейчас, любезная Перл?

– Ах, Шолома Алейхема. – Известен, как же. – А вы?

– Я читаю сейчас очень интересную книгу Литвака Алексеевича Вэлвэла. «Мои женщины».

– Фу, вероятно какая-нибудь варшавская пустышка», – говорит Полинка. А сама ни за курями, ни за телятником, ни за огородом не посмотрит. Все Цапля да Цапля.

Я этого фальшивого сюсюканья не выдерживаю, подготавливаю дорожку к быстрому отступлению и только тогда подаю реплику:

– А когда ты, Перл, целуешься с Евсеем? До прочтения книжки или после? – и быстро выскакиваю на улку. Вслед летит или тапочек Полинки или бас-фальцет Евсея:

– Погоди, Цапля, попадешься, трамтарарам.

Но родители ничего не видят. Ничего не слышат. Шепчутся, пусть, мол, дети попривыкнут друг к другу. Особенно к Полинке, которая как старшая и красивая, весьма своенравна.

П таки она отмочила. Неожиданно уехала в Харьков и по-

ступила в училище на зубнюка. И – выучилась. А дальше уже пошла другая эра. Советская. Когда все мы должны неожиданно стать счастливыми, веселыми и строить беспрестанно себе лучшее, лучезарное общество.

А Евсей уехал учиться в Москву и с Перл они больше никогда не встретились.

А теперь, пока не забыл, про среднюю сестру Оню. За ней уже несколько лет ухаживал очень симпатичный парень Исаак, иначе говоря, Исер. На него все поглядывали с завистью, а кумушки со скамеек на нашей улице даже не скрывали зависти.

Дело было простое. Псер был сын владельца единственного в городке универсального магазина. И дом был у него, уважаемого реб Зеликина, каменный, аж об двух этажах. Полы натирались до такого зеркального вида, что даже сняв обувь, проходить по полу было стыдно. Ибо носки оставляли не только четкие пятна от наших ног, до этого исколесивших всю округу не один раз. Но и различные ароматы.

Исер уже несколько лет сватался к нашей Оне. И официально. И неофициально. Семья Зеликиных, как я сейчас понимаю, была без фанаберий. Мол, давайте, дорогие Запрудеры, наш сын вашу дочку любит. Она – его. И вперед. А приданное-шмиданное – да Бог с ним. Пока проживем как-нибудь с хлебом и маслом, да со шкварками, да с фаршированными шейками. Еще и бедным поможем. Вперед, что тянуть-то.

Но мои родители тянули. Не могли, как объясняла мама, отдать Оню без приданного в богатую, пусть доброжелательную, но – богатую – семью. Это называлось – мезальянс. Вот так оно и происходило уже несколько лет.

Пока не крякнула Великая Октябрьская 1917 года.

К нам прибежал Исерке, наш претендент, и радостно сообщил:

– Онечка, наконец все решилось. У нас все отобрали. Теперь мы – как все. Всё, всё. Выходишь за меня замуж немедленно, пока еще брюки не реквизируют.

Вот же было время. И брак, наконец, состоялся. Ура! Гуляем!

Глава II

Рэволюция

В 1917 году произошли два знаменательных события. Мой очередной день рождения – и... рэволюция во всей нашей Российской империи.

Конечно, самое важное – день рождения. Мне подарили отличные сапоги, мягкие, из шевро. Папа и маме подарил цепочку – за сына.

А революция подарила нам отмену черты оседлости. Появилась, откуда ни возьмись, свобода. Оказалось, что Москва, Петербург, да и вообще вся Россия стали вполне доступными для среднестатистического еврея.

А в местечке нашем ускоренным темпом начала строиться новая жизнь. Совершенно, к удивлению, и даже больше – к изумлению – евреев среднего и пожилого возраста, ни на что не похожая.

Вдруг отменились все артели, мастерские, лавки и магазинчики. Все это объединилось под названием «Белукрлег-пром», куда вошли и кузнецы, и бондари, и портные, сапожники, щетинники, парикмахеры (один Ариэль), переписчики прошений и даже один, наш древний Шмуэль, специалист по обрезаниям. Ибо, как говорил мой папа за ужином, власть – властью, а Богово – Богову. В смысле, что ему, Господу положено, отдай, да и все.

Мы уже хихикали, сестрички – краснели, мама делала вид, что возмущается этим мишугинером¹¹, а папа нарочно делал большие испуганные глаза и говорил мне:

– Посмотри быстрее, по-моему за окном стоит наша любимая ГПУ.

– Моисей, – вскрикивает мама, – ну что ты мелешь. Как мельница нашего почтенного Пинхуса. Замолчи, иначе сам знаешь, что будет.

Что будет, мы уже знали и сразу привыкли к слову «взяли». Не арестовали или как там еще, в западных демократиях. А именно жестко и просто – «взяли». Кстати, касаясь ГПУ, которое потом стало НКВД, что сути этой конторы не поменяло. Так вот, в местечке ГПУ сразу же прибрало к рукам, то есть, сразу же исчез ксендз, пан Алоизий, а также заведующий книжной лавкой и наш старинный полицмейстер. И еще несколько человек.

Зато неожиданно мой, можно сказать, начальник кузницы, Шлойме-каторга был назначен Председателем Сельсовета рабочих, крестьян и вообще всех трудящихся. Пока что – нашего местечка. И заслуженно, так как, оказывается, он очень пострадал на царской каторге. И совершенно ни за что. Так, убил в горячке спора о Марксе крестьянина. Но что тут обсуждать – это же царизм был. Да еще, как нам теперь день и ночь вещает рупор, то есть, радио на площади – кровавый. И царь Николай был за этот режим наказан трудовым наро-

---

¹¹ Мишугинер – сумашедший (идиш).

дом.

Правда, мне до сих пор, уже до седых волос, непонятно, при чем здесь его жена и дети. Пожалуй, это не наказание. Это просто подлое, жестокое, зверское убийство. Ну да ладно, а то уйдем далеко от моих воспоминаний.

На самом же деле в местечке происходило что-то совершенно небывалое. Закрылась, как всегда неожиданно, синагога. То есть, она даже не закрылась. Просто помещение стало называться «Дом культуры». А наш главный ребе стал зваться «Директор». Шинок был назван «Столовая № 1» и сразу есть там получилось – нечего. Кроме пельменей голубого цвета, которые, по вполне понятным причинам кошерности, ни один житель местечка не ел.

Летом, конечно, все окна в домах наших открыты. И из нашего черного рупора доносятся незнакомые песни типа «... У Амура тучи ходят хмуро...» или «и кто его знает, о чем он мечтает...»

А мы, молодые, мечтали и, более того, стремились наши мечты реализовывать. Но об этом чуть позже. А пока новое, после закрытия шинка и синагоги, поветрие охватило наш народ. В основном нас, молодежь. Мы жаждали, рвались на «свободу», за черту оседлости. Но и синагогу, наш теперешний «Дом культуры» не забывали. В субботу, вроде бы «случайно», но появлялись наши старшие в «доме культуры», тихонько звучало благословение: «Благословен будь, единственный Господь наш». Негромко шли разговоры о всем. О

дороговизне. О тех, кого «взяли». О новых распоряжениях Поселкового Совета, иначе, нашего «страдальца за народ», бывшего каторжанина Шлойме. Да, кстати. Он тут же поступил в партию большевиков и теперь все свои высказывания начинал:

– Мы, старые большевики-каторжане, когда вы здесь по синагогам тараканов гоняли... мы гремели кандалами... – И тому подобное.

С этих собраний народ расходился молча. Правда, многозначительно переглядываясь и покачивая головами. Да, мол, что скажешь. Одним словом – Шлойме-каторга.

Теперь хочу немного подробнее. Ибо наше местечко охватило и еще одно поветрие перемены всего на все. Стала неожиданно молодежь, и я в том числе, менять имена. Родители пытались объяснить всю пагубность и даже низость этих деяний – как это отречься от имен, папой и мамой данных.

– Да вот так, – аргументировали мы, без пяти минут комсомольцы.

Вот смотрите, первые лица нашего нового государства поменяли себе все, а мы что, хуже! Например, товарищ Троцкий. Можно сказать, кузнец революции. И что? Был-то Бронштейн, Лейба, сын Давида, а стал Лев Давыдович Троцкий. И Каменев, который был Розенфельдом. Или даже сам Ленин, организатор и вдохновитель всего этого безобразия в одном, отдельно взятом местечке.

И что вы думаете. Старики важно подтвердили, что Владимир Ильич таки был Ульянов и сын Ульянова. Но семья-то раньше была по фамилии Бланк. А кем стал? Да, правильно – Лениным. И даже незначительные большевики, стоящие у руководства, тоже согласились с тем, что нужно фамилии менять. Вот, например, нарком национальностей. Был Иосиф Джугаев (осетин) или Джугашвили (может даже и грузинский, извините, еврей), а стал просто – Сталин. И точка.

Поэтому наша победа в тех суматошных 1922-23 годах была полной. Но не убедительной. Шлойме сразу стал, помимо большевика, Александром со звучной фамилией Каторжанинов. Я быстренько поменял фамилию с Запрудер, что происходила от моих предков, которые еще в 15 веке в Белоруссии и Польше делали по заказу аристократов запруды. Для ловли бобров и рыбы, конечно.

Стала моя фамилия Запруднов. И имя теперь было не Файтл какой-то, а Федор. Естественно, Михайлович, а не Моисеевич.

Вот таким бравым «Федором» я и отправился в Красную рабоче-крестьянскую армию. Хотя нет-нет, а кошки на душе скребли. Мне казалось, что я многое предал. Заветы отцов, которые передавались из поколения в поколение. На душе иногда становилось гадко, да что делать.

Друзья надо мной посмеивались. Это те, что по каким-то причинам устояли, и имена, данные отцами, сохранили.

Обычно спрашивали:

– Федор, а скажи пожалуйста, как будет теперь Мойша?

– Михаил, – отвечаю. А чувствую, даже задница покраснела.

– А Сруль?

– Сруль будет зваться Акакием, а вы пошли от меня в задницу без обратного билета.

Драться уже никто не лез. Я все-таки работал в кузне у Каторги. Поэтому навык, кому дать в ухо, да покрепче, у меня был.

Глава III

Шаги в небо

– Пока взберешься на небо, семь потов сойдет, – говорил нам, молодым оболтусам, реб Пинхус Либерман. И правильно говорил. Я это начал понимать, как только вылетел из дома за черту оседлости. И куда! В Красную армию. Мои друзья – Барух, Бенцион, Фимка, Ареле и другие – все ринулись в политику. И сразу преуспели. Большевики в основном были не дураки, понимали – «эти» не предадут, жестокости и фанатизма не занимать. Поэтому и попадали мои друзья на должности высокие. Но и летели оттуда даже не вверх тор-машками. Летели с огромной высоты головой вниз, но не убивались сразу, а вначале оказывались в сыром, темном и грязном подвале. Вот после этого – все. Убивались!

Да и, честно говоря, было за что. Вот как мы жили столетиями. В гетто. В замкнутых штеттлах. В поселках, которые еще не скоро станут городами. И законы наши были жестки и щепетильны. Не ешь, вернее, ешь то, что положено, а не то, что хочется. И с женой обходишься соответственно предписанному. То есть, как с едой. Не тогда, когда хочется, а тогда, когда полагается. Во как!

Зато за чертой оседлости все можно. Поэтому молодой наш приятель, Зяма Явиц, и стал в 1919 году в срочном порядке следователем ГУБ ЧеКа. А чем это дело закончилось,

не нужно и догадываться. Да, да, вы правы, читатель, именно в 1937 году. Ни годом позже, ни годом раньше.

Вот так начинался распад черты оседлости.

Я же бросился не в политику, или ГПУ, или институты психологии, филологии или железнодорожного транспорта. Я же все-таки Файтл-цапля, хоть и зовусь теперь просто – Федор. Так вот, я ринулся прямо из черты оседлости – в небо.

Только летчик и еще раз – летчик. Но не так все просто. Вначале было сложно. Поэтому меня приняли в РККА в качестве красноармейца в 1919 году и направили в Киевскую авиашколу. Просто – помощником зав ангаром. Прямо скажем, работа часто очень тяжелая, особенно зимой. Но я справлялся и не очень плохо. Меня старшина хвалил, а я с теплотой вспоминал Шлойме-каторгу с его кузней.

Еще бы не тяжелая это работа, уход за самолетом. Да еще таким капризным, как «Ансальдо», с фиатовским двигателем. Вот посмотрите. Мы, это я, Коля, Михаил, Серый и Яков – все солдаты авиашколы (до авиашколы еще далеко, пока просто obsлуга авиапарка). Но мы не унываем, все мы бредим только одним – небом. А оно пока ох, как далеко. Вернее – высоко. В общем, «Ансальдо», который закупили мы у итальянцев. Это биплан. Мы, наша ангарная команда, еще как с ним помучились. Залить бензин в баки. В радиатор – горячую воду. В двигатель – горячее масло. Затем крутим винт – наконец, чих-чих, так-так-так, и выхлоп приобретает

рабочий цвет – голубоватый. Уф, двигатель завелся.

Но самое тяжелое после посадки. Фиатовский движок, как правило, глохнет. И в ангар катим самолет мы, ангарная бригада, да еще солдаты – в помощь.

В ангаре – отмыть бензином налеты масла на хвосте, промыть свечи и сдать машину зав ангаром.

Ко мне относились хорошо, потому что я, натренированный в «школе» Шлойме-каторги, брался за любую работу и не рассуждал. Да что здесь рассуждать – поднял хвост «Ансальдо» с тремя красноармейцами и пошли. Как говорится в наших песнях – вперед и выше. Правда, выше пока не выходило. В основном – вперед.

И еще. Оказалось, что я грамотнее многих бойцов. Даже не то, чтобы многих – но – всех. Поэтому, когда заходил начальник авиашколы на занятия, то всегда вызывали к доске меня. Будь это аэрофотосъемка, или бомбометание, или штурманские задачи, либо радиодело (которого у нас в помине не было) – меня вытаскивали. К доске. Когда уходил начальник, все оставались довольны. Начальник класса – так как я отвечал без запинки. Начальник школы, что класс в целом знаниями, необходимыми в авиации, обладает. Красноармейцы – их не спросили. Пронесло. И наконец я, «цапля», отвечал хорошо и меня хвалят. Да, да, было тщеславие, что и говорить.

Но все тщеславие проходило, когда войдешь в наши первые казармы. Жилые помещения у нас на 50 человек. Конеч-

но, еще царские. Несмотря на строжайший запрет, все тихонько курят. А если табачный дым смешивается с ароматом портянок от пятидесяти пар сапог, которые, то есть, эти сапоги, топают, и маршируют, и бегают, и прыгают, и набирают воду, а затем сохнут – то понимаете, что находится в воздухе казармы. Хотя, честно говоря, воздуха к утру в казарме не остается совершенно. Но чем-то мы все-таки дышим. Так как в 6.00 ровно дневальный кричит: «Отделение-е-е-е подъем!»

Нам, конечно, доставалось. Утром, помимо строевой и песня-ка – в строю, при марше – обязательно, так вот сразу – в ангары. Готовить машины, в основном «Ансельдо» и менее капризный Р-1. Это конструкция Поликарпова. Как каждого конструктора, мы его, Поликарпова, костерили из «души в душу», особенно зимой. Когда руки в бензине побелели, а масло, которым забрызган хвост самолета, отдирать нужно. Но ничего, мы уже знали: «Тяжело в ученье – легко в бою». Поэтому и пели – «...край суровый тишиной объят...»

Гляжу на ребят моего отделения. Гляжу...

Или исследование и расшифровка аэрофотоснимков. Так мало – расшифровать, или просто разобраться. Надо и грамотно написать и описать эти фотографии. Нет, ребята, авиация нам пока еще только снится.

Но время идет, обучение плавно переходит в теоретические, а затем – ура, в практические занятия. Мы начинаем делать пробежки, затем – подлеты. Как говорил наш коман-

дир – «прямо как слетки ворон из гнезда». А нам нужно и о счастье, о мимолетном счастье не забывать. А что такое счастье «летуна». Правильно, танцы в клубе, да потом – в самоволку. За что нас драли командиры по полной. Быстро они забыли, что сами, ну, этак в 1915-16 годах бегали в этот же клуб. И девчата были – да теперь они, девчата, их жены, то есть, боевые подруги. Но как бы то ни было, смотри, читатель, на фото. Костя что-то пришивает, а мы курим да готовимся к танцам.

Вот и все мои друзья, сослуживцы. Да, плохая фотография, но все равно ее нужно поместить в эту рукопись.

Я смотрю на нее – значит они не пропали. Значит, они еще со мной. А потом может кто-нибудь увидит эту рукопись и снова они будут чувствовать – они не забыты.

Глава IV

Назвался груздем – полезай!

В общем, назвался груздем – полезай... Я, как пришел в армию, понял – назвался груздем. И полетели куда-то на задворки памяти шабес и папины молитвы. И гул синагоги. Все исчезло. Иногда, прежде, чем заснуть, я вспоминал свой милый край. Чудесную семью. Маму с оладушками, сестер с их глупыми секретами, скандальных кур и петуха, который исполнял у них роль раввина. Как у нас в армии замполит.

В общем, вызвал меня однажды «батя». Так мы звали начальника училища. Просто мудрый был командир.

– Боец, не тянись. Присаживайся. У меня вот какой тебе разговор. По всем параметрам ты у нас в авиашколе один из первых. И в теории, и в практике. Правда, верховая езда подкачала, но с другой стороны, кто из ваших хороший наездник.

Я тут же ляпнул:

– Верно, Моисей, но на верблюдах.

Посмеялся Батя.

– Ну ладно. И еще я вижу у тебя нормальное стремление военного человека стать не только грамотным, инициативным командиром. Но стать – первым. Это – хорошо. У каждого солдата в ранце должен брэнчать жезл маршала.

– К чему я это говорю. Ты хоть и интеллигент (так у тебя

в деле), но с народом нашим дружен. И ежели ты смотришь вперед, то тебе прямой путь – только вместе с партией нашей. И не объясню, как, что и почему. Уверен, все поймешь. Вы – нация понятливая. Поэтому давай, собирай необходимые документы, побеседуй с замполитом, он у нас мужик грамотный (тут «Батя» незаметно улыбнулся) и – вперед, получишь добро – собирай рекомендации. Свободен.

Даже не дал мне ни ответить, ни задать вопросы. Одно слово – «Батя»!

И пошел я к замполиту. Замполит у нас был носатый такой, но парень грамотный, Мишка Драпо.

Я забыл сказать, что действие все происходит на Украине, поэтому различные диковины в фамилиях наших ребят украинских встречаются. То Перебийнос, то Цеповяз, то просто – Лопато. Поэтому у меня лично Драпо никаких ассоциаций или эмоций не вызывал. Тем более, как все замполиты, я заметил, был он веселый, душа курилки. И линию партии осуществлял, видно, правильно. Потому что у нас в авиабригаде никаких споров или дискуссий либо тематических конференций по поводу Троцкого не было. А другие враги народа, типа Бухарина, Каменева или Тухачевского и так далее еще не успели созреть.

Короче, я пришел к Мишке Драпо. Да, совершенно забыл сказать. Бывало, не очень часто, но бывало, мы с Мишкой и еще с друзьями казённый спирт в небольших количествах потребляли. Нам, летунам, для протирки оптики и иных тех-

нужд выдавали. А ничто так не укрепляет дружбу, как хороший стопарь разбавленного спирта вечером в кабинете партбюро. Тихо, секретно, весело.

Вот такие у нас с Мишей были отношения. Дружеские.

Беседу же он начал неожиданно. Для меня, во всяком случае. Абсолютно официально.

– Прочел, Федор Михайлович, твое заявление. Скажу прямо, как большевик (тут он даже надул щеки), я – категорически против. И вот почему.

Тут он наклонил ко мне голову и начал говорить почему-то шепотом.

– Тебя как звали в твоём местечке?

– Файтл. Даже и приставка была – Файтл-цапля.

– Вот видишь. Все-таки не Федор там какой-то, а Файтл.

А Фамилия?

– Запрудер. Мы из века в век делали запруды для Радзивиллов и прочих угнетателей народа, – отвечал я, но начал почему-то волноваться.

– Ну вот, теперь смотри сюда. Я такой же Драпо, как ты Запрудный. Драпацкий я, Драпацкий Эмилий Янкелевич, – выкрикнул как-то со слезой даже наш замполит. – А вот пришлось стать Драпо. Да еще Мишкой. – Он закурил и долго смотрел в пол.

Выписка

Из протокола заседания паркомиссии Спецчастей Киев-

ского Гарнизона от 11/9/1924 года.

Слушали

16. Дело № 393. Запрудный Федор Михайлович. Военлет 3-й эскадрильи. Рожд. 1902 геврей, рабочий – кустарь, из интеллигентов, образование – среднее, в Кр. Армии с 22 гчл. Профсоюза с 19 г. ЛКСМ с 23 г.

Заявление о приеме в партию. Рекомендуют – Казарновский – 19 г Колесников – 20 г., Давидзан – 18 г., Цвилевский – 19 г Соловьев – 19 г., и РКЛКСМ.

Подл. за подл. подписали.

Верно. Техсекретарь.

Постановили.

16. Ходатайствовать о приеме в кандидаты по 3-й категории.

Выписка

Из протокола № 24 закрытого собрания ячейки КП (б) У 3-й отдельной истребительной эскадрильи, сост. 14 августа 1925 г.

Слушали: 1./4/. Заявление тов. Запрудного Федора Михайловича, чл. КСМ с 1923 г., аэронавигатор, служащего о приеме в кандидаты партии.

Постановили:

1./4 / Утвердить тов. Запруднова кандидатом КП (б) У.

Врио отв. секретарь партбюро 3-й отдельной истребительной эскадрильи /неразборчиво/

– Поэтому давай так. Конечно, я помогу, но по-нашему. Чтоб никто не посмел сказать – вон, мол, они, в партию своих тащат. Сделаем так. Бате я доложу, что поддерживаю. На собрании буду колебаться. Причины, не волнуйся, найду, они – на поверхности. И так вот красиво проведем собрание. В духе ленинской принципиальности и понимания политического момента.

После этой абракадабры я вышел, напрочь обескураженный. Но, что делать – назвался груздем...

Собрание же прошло хорошо. Михаил рассказал кратко о происках недобитков на Украине. Их оказалось немало. Затем плавно перешли к моему заявлению. В это время послышалась музыка из ДКА – Дома культуры авиатора. Там начались танцы.

Члены партии начали волноваться. Послышались уже возгласы: «Ясно», «Принять», «Знаем – свой парень», и тому подобное. Но Миша свою линию выдержал.

– Да, товарищи, – сказал он, – на самом деле Федора мы знаем. И знаем с хорошей стороны. Но ведь он из интеллигентов. А что товарищ Ленин говорил – «партия наша – ра-

бочих и крестьян». Мне могут возразить, мол, работал Федор как кузнец. Правильно, это, кузнец – рабочий элемент. Поэтому и предлагаю его, Федора Запрудного, принять в кандидаты партии, но по 3-й категории. То есть, спрашивать с тебя, Федор, будем в три раза строже. Кто «за». Кто «против». Кто «воздержался». Хорошо, единогласно решение ячейки 3-й отдельной истребительной авиаэскадрильи принять Запрудного Федора кандидатом Коммунистической партии большевиков Украины.

Собрание считаю закрытым. Знаю, в основном все сейчас отправятся на танцы. Прошу вас, партийцы, подавать на танцах пример культурного поведения и девчонок после танцев не тискать особо и проводить. Но культурно, чтоб без жалоб командованию. Р-р-ра-зойдись!

Ура! Меня приняли в кандидаты! Вот, сохранились выписки. Прилагаю для истории. Хотя может и не следует этого делать. Да ладно.

Ура, я кандидат партии. Вперед и выше!

Вперед-то – вперед. Выше и выше. Но тревога и боль сердечная появилась у меня. И все время не дает мне покоя.

И начался весь этот душевный разлад с изменой своей семье. Как я теперь приеду в местечко и посмотрю папе и маме в глаза. И кто я – Федор-цапля, что ли! Нет, таких цапель не бывает.

Еще к этому – назвался груздем, так полезай. И ничего уже нельзя изменить. Вот и приходится мириться с расстре-

лом ГПУ нашего товарища (пока только одного), которого приговорили к расстрелу, как активного врага советской власти. Про себя каждый думая, что врагов советской власти – не половина ли страны. Как их всех перестрелять? Оказалось – возможно.

Вся наша авиашкола была в удрученном состоянии. Хотя мы, члены партии, прилагали усилия, чтобы разъяснять и поднимать дух летунов. Да как его поднимешь, когда черным по белому, то есть, в приказе по эскадрилье сказано: «... активный враг советской власти...» И вот что самое для нас удручающее. Постановление коллегии было 9 июня 1927 года. И расстрелян наш сослуживец Гуревич тоже 9 июня 1927 года. То есть, ни суда, ни адвокатов. Ррраз и нет.

Мы были в полной растерянности. А авиатору этого позволять никак нельзя. Того и гляди – в штопор сорвешься.

Глава V

Партия должна знать все

В 1925 году, получив корочку кандидата партии, я отправился в первый отпуск. На 10 суток.

В местечке на меня смотрели с уважением. Загорелый, в шинели с голубыми петлицами. Вот, верно, досадовала Сонька Левина, что гуляла в свое время не с Файтлом-цаплей, а с Гершем Левиным, который теперь стал Григорием. Гришей! Да еще и ее мужем.

За столом после традиционной молитвы и форшмака начались расспросы. А когда узнали, что я «поступил» в партию, папа усмехнулся и рассказал вот такую историю.

– Возвращается еврей из комитета вашей партии. Жена спрашивает:

– Что Фима, приняли?

– Нет, – отвечает Фима. – Я им честно все рассказал про себя. И про линию партии. Про буржуазное окружение. Про хорошую жизнь рабочих и крестьян. И даже интеллигенции. Вдруг одна сволочь спрашивает: а скажите, в 1919 году на свадьбе у Нестора Ивановича Махно не вы играли на скрипке?

– Ну и что ты ответил?

– Да согласился, на самом деле я у Нестора играл на свадьбе.

– Ну, не идиот ли? Сказал бы нет, кто проверит, – говорит жена.

– Как кто, ведь весь комитет был на свадьбе, они же были членами штаба у батьки.

Смотри, сына, сказа папа, чтоб не разыскали у тебя что-либо в дальнейшем.

Я усмехнулся. Все было в порядке у меня. Так я думал. И все просто. Хедер да кузница – первые трудовые мозоли. И первая папироса у Шлойме-каторги – вот и вся моя жизнь.

Я вернулся в училище, нагруженный снедью. А уж выпивку мои друзья расстарались.

Но и сразу я почувствовал – я теперь принадлежу партии. Потому что вызвал меня в тот же день наш бессменный секретарь Миша Драпо и дал задание. Подготовить сведения о военной дисциплине 37-го авиаотряда.

– Материалы я тебе дам, а ты пока никому ничего не рассказывай, и даже командному составу не докладывай. Готовь по материалам, которые я тебе дам, развернутую справку. Этот материал пойдет в парткомиссию Спецчастей Киевского гарнизона. Они собираются рассматривать нашу 3-ю истребительную эскадрилью. Вначале изложи все, как в материалах, а потом мы с Батей решим, как этот доклад нивелировать.

Так я сразу понял – нужно «нивелировать». Вот как началось мое понимание партийной жизни страны: думаешь одно, пишешь – другое, говоришь – третье, а выступаешь – про

четвертое, что нужно «линии партии».

Пока готовил материалы, эта «линия партии» мне часто снилась. Хоть на ночь спальные помещения казармы стали проветривать.

Доклад получился. Но материалы меня напугали. Пока живешь да крутишься: подъем, ангар, самолет, учеба, мотор, ангар, политучеба, покурить с ребятами – кажется, что все нормально. Но вот как начал собирать воедино информацию, получилось «таки плохо».

А именно. Вроде бы мелочи, а как сведешь – охватывает страх. Страх, как же мы с такой дисциплиной будем воевать? С капиталистом! Вот что получилось. Да, кстати, мне выдали анкету-опросник, где каждое нарушение военной дисциплины заносилось в соответствующую графу. Получалось не очень гладко. Впрочем, смотрите сами.

Отрыв начсостава от красноармейских масс. – Начсостав все время работает с красноармейцами. Не даром его называют «Батя».

Очковтирательство. – Не наблюдается. Вся статистическая отчетность полностью соответствует реальной картине.

Перепалка с начальством. – Наблюдаем только споры по вопросам технического обслуживания воздушных аппаратов.

Небрежное отношение к сбережению оружия. – Не наблюдается.

Самовольные отлучки из части. – За 1927 год 5 отлучек

после отбоя из казарм для встречи с местным женским контингентом. Виновные наказаны в соответствии с дисциплинарным уставом.

Пьянство. – Да, имеет место. Особенно после ЧП при полетах. Если летчик остался жив, необходимо выпить и снять стресс обязательно.

Самоубийства. – Отсутствуют.

Предложения:

– Необходим новый Дисциплинарный Устав.

– Необходим текст новой присяги.

Глава VI

Вифупаст¹²

В 1928 году произошло у меня несколько знаменательных событий.

В мае состоялось заседание Парткомиссии при Политотделе 5-й Авиабригады. Рассмотрели мое заявление и перевели меня в действительные члены партии ВКП(б). Выдали партдокумент. Я стал членом партии и даже немного стал важничать. Но быстро сообразил – вместе с ребятами летаю, вместе может погибнуть случится. И члену ВКП(б) и беспартийному. Поэтому – не задирай нос.

Но – ура! В июне этого же года произошло и другое, приятное событие. Мне присвоили звание старшего летчика-наблюдателя. К этому времени я освоил Р-1, осуществлял самостоятельные полеты. Летал и на Фоккерах, и на ТБ-1 (Туполева бомбардировщик). В общем, летная жизнь меня захватила целиком. Даже на танцы особо не рвался. Разве, когда друзья просили в качестве «прикрытия». Я эту роль и выполнял. Как уже старший военлет.

А далее в жизни нашего 37 авиаотряда начали происходить вещи, не совсем нам, летунам, понятные.

---

¹² Вифупаст – Wissenschaftliche Versuchsunprutausaltfur Luftfahrzeuge – научное и летно-испытательное авиационное учреждение (нем).

Вдруг стали вызывать по одному в 1-й отдел. Или особый отдел – уж забыл, как в какого рода войсках эта служба называется. Кстати, в 28 году вызов, ежели ты ничего не сотворил, никаких особых тревог не вызывал. Еще не подошло «настоящее время» 1937 года.

Так вот, стали вызывать. Я вошел. Сидел наш командир авиаотряда – «Батя» – и двое каких-то невзрачных, в штатском. Один даже в очках.

Да и вопросы были никакие. Все больше по анкете. Где родился. Когда, как говорят, крестился. Как служба. Нет ли жалоб. Как осваивается техника. Какая из машин лучше – Р-1 Поликарпова или Фоккер. Ну, уж тут я стеснительность потерял и подробно, даже нарисовал что-то, разъяснил, чем плох Р-1. И почему удобен Фоккер. Хотя тоже не без недостатков.

Спросили, как, мол, ты сам, замечаешь ли у себя недостатки. И ежели да – то какие. Я, как коммунист, рубанул без стеснения: боюсь прыгать с парашютом, доверчив, иногда обижаюсь чрезмерно по пустякам и очень равнодушен к женскому полу. То есть, к нему, этому полу, меня все время тянет.

В конце беседы Батя попросил, чтобы никому ничего. Ну, как всегда в армии. И, конечно, вечером мы ребятам все рассказали. Вывод был однозначный – или отбирают в академию. Или на курсы спецподготовки, или просто – переводят в другую часть.

Через дней десять нас вызвали еще раз. Те же двое, но Батя был занят полетами и ушел. А тех двоих дополнил еще один штатский. Молодой, но полностью лысый. Эта лысина, честно говоря, все время меня от вопросов отвлекала, мешала как-то. Но ничего, взял себя в руки. На самом деле в полете, когда солнце бьет и зимой особенно, снежное отражение на малых высотах тоже добавляет резь в глаза. Но ничего, можно лысину эту потерпеть. Мы ведь летчики, а не кисейные какие-нибудь барышни.

Разговор в этот, второй раз, начался неожиданно. Как я отношусь к загранице. Какая из европейских стран мне больше других нравится и тому подобное. Это все лысый, таким подходом начал. На что и получил достойный мой ответ.

– За границей я никогда не был. Отношусь к капстранам Европы однозначно и просто. Громить капитал. Изъять фабрики и заводы. Освободить от принудительного труда женщин и детей.

В общем, весьма близко к тексту изложил доклад нашего секретаря парторганизации Мишки Драпо о современной политической ситуации в Европе. Где рабочие пробуждаются, но, видно, медленно.

Но лысый меня прервал и сказал неслыханную фразу. Я ее на всю жизнь запомнил, так как мне стало вдруг стыдно. Почему, даже не знаю. А сказал он как-то даже устало.

– Ладно, ладно, старший военлет. Ваше стремление показать, что вы овладели теорией Маркса – Энгельса – Лени-

на похвально. НО вопрос в другом. Вот вы языки иностранных знаете? Тогда, в эти годы «строительства социализма», не было принято стесняться своей национальности. Поэтому я сообщил, что немецкий понимаю, так как идиш имеет очень много заимствований из немецкого.

– DasistnichtganzKoscher¹³, – неожиданно произнес лысый, глядя куда-то в пол.

Я ответил соответственно:

– DasistTechtelmechtel¹⁴, – чем очень развеселил почему-то всех в штатском.

– Ну, и как вы думаете, военлет, в Германии, например, популярно Ganoventum¹⁵?

– Да нет, разве только Kaffer¹⁶ полезет в лавку, где съестное.

– Ну, очень рад, что мы с вами, военлет, говорим, как это по-немецки – mitjemandemTachelesreden¹⁷. – И подает мне листок, где под грифом «Народный комиссариат внутренних дел СССР» напечатан текст обязательства. Что я, Федор Михайлович Запруднов обязуюсь не разглашать сведения, к которым я получил доступ в связи с переходом по указанию командования ВВС. И ежели нарушу, то подлежу. И так да-

---

¹³ DasistnichtganzKoscher – дело не совсем чисто (нем).

¹⁴ DasistTechtelmechtel – дело похоже на интрижку (нем).

¹⁵ Ganoventum- воровство, мошенничество (нем).

¹⁶ Kaffer – дурак, простофиля (нем).

¹⁷ MitjemandemTachelesreden- говорить начистоту (нем).

лее.

Конечно, подписал, а что, когда, куда и как, это мне разъяснят вскоре и конкретно.

Вот таким образом я и еще 26 или 27 моих военлетов оказались в совершенно странном месте.

Кстати, обменявшись мнениями, мы все пришли к выводу, что едем в Германию, на полигоны и будем учиться у немцев, как их, то есть, тех же немцев, побеждать. В истребительном бою.

В заключение, нас, отобранных, собрали в партбюро, благо там места для 30 человек хватало, и нам прочел информацию этот самый лысый дядька. Оказалось, полковник (это по-новому) Генерального штаба, отдел «Иностранные армии». Я запомнил его выступление, ибо иногда фразы были несколько непонятные. Ну, идущие в разрез с линией.

Впрочем, решили мы, военлеты, им там, в Генштабе, виднее, что, кому и как говорить.

– Прежде всего, разрешите представиться, – начал лысый. – Я – полковник Генерального штаба РККА Лихачев Вячеслав Семенович. Заведую отделом «Иностранные армии», где в настоящее время самое серьезное внимание уделяется изучению вероятного противника – Германии. Кстати, можете курить, товарищи командиры.

Так вот, вам должно быть лучше, чем кому-либо, видно, насколько мы отстаем в авиатехнике от стран капитала. И дело не только в гражданской войне. Дело в общей отсталости

нашей промышленности и науки, особенно в таких сложных направлениях военного строительства, как военно-воздушные силы. На чем мы летаем и учимся летать. На бипланах тов. Поликарпова со скоростью 200 км в час. А эти бипланы, так называемые Р-1, полностью скопированы с де Хэвилленда, машины еще первой Мировой войны.

Мы вынуждены в авиации покупать все. От двигателей, например – «Юпитер» (Франция), до таких необходимых расходных материалов, как свечи, карбюраторы, бензонасосы, магнето, особенно механизмы газораспределения.

Хорошо известна аварийность в авиации. Мы уже дошли до того, что, планируя маневры ВВС, закладываем расход пилотов. Что делается только во время войны, как вы все хорошо знаете. Например, мы приняли на вооружение в 27-м году П-2. Но он архаичен. Испытания 28-го года показали – выход из штопора весьма сомнителен.

Исходя из изложенного, товарищи военлеты, наше Правительство и ЦК большевистской партии приняли решение по строительству ВВС РККА СССР. Одним из результатов этого решения было заключение договора о создании на территории СССР немецкой авиашколы и испытательного полигона. Это совершенно секретный проект, и вы все это отлично знаете. Хотя бы по тем распискам о неразглашении, которые вы мне дали.

Школа расположена в городе Липецке и с весны 1926 года начала функционировать. В эту школу мы отобрали из ча-

стей ВВС лучших летчиков. И уверен – вы не подкачаете.

Теперь немного о главном, то есть, о задачах, которые стоят перед вами. Первое – условное название школы – 4-й авиаотряд 38-й авиаэскадрильи. Как я уже сказал, с весны 1926 года школа начала работать.

Мы раздаем вам, товарищи командиры, фото немецких летчиков, которые обучаются в школе. У всех форма одежды – штатская. Вы же будете в повседневной форме летных войск РККА.

Некоторые товарищи немецким владеют. Остальным задание – заниматься немецким языком. Кстати, немецкие летчики все высшей категории и в Первой Мировой войне показали себя с самой лучшей боевой стороны. Вот их фамилии: Блюмензаат, Гейец, Макрацки, Фоссо, Геецманн, Блюме, Рессинг, Герлих Герман и другие.

Руководит школой майор Рейсвера Вилли Штар. По всей учебной программе вы подчиняетесь ему. Кроме этого, группой подготовки летчиков-истребителей руководят два лейтенанта (вот их фотографии) – Вернер Юнк и Карол-Август Шенебек.

Имеется и штурманская группа – ею руководит майор Эрих Кводе.

Но, товарищи командиры. Учеба – учебой, а вы не должны забывать, что вы прежде всего – летчики нашей страны. И просьба – не приучайте немецких коллег к спирту. В немецкой авиации его выдают по требованию. Как бы вы не споили

немецкий военный народ.

И еще, о чем мы уже неоднократно говорили. Секретность. На базе, конечно, все будет: и танцы, и девушки, и клуб, и спортплощадка. Но – никакой болтовни. А то получится, как в одесском анекдоте:

По телефону:

– Алло, это база?

– Да, база.

– Тогда позовите к телефону Гилевича.

– Какого еще Гилевича?

– Вашего директора.

– Наш директор – Иванов.

– А-а, так это военная база.

– Теперь о ваших задачах. Срок обучения – три года. Предполагаться будете в отдельных комнатах общежития, построенного немцами. Они же построили ангары и ремонтные мастерские. В настоящее время в центре, который, кстати, называется сокращенно Вифупаст, находится 50 истребителей Фоккер Д-ХШ.

– Итак, вы должны овладеть приемами воздушного истребительного боя, испытать и освоить боевые немецкие машины, оборудование, вооружение – пушки и пулеметы. Особое внимание следует обратить на оптику. Она у немцев традиционно хорошая.

– Изучите досконально пикирующий бомбардировщик Юнкере и истребитель Хейнкеля. Немцы их тоже в школу поставили.

– Вы, командиры, далее перейдете служить в строевые части. Будете передавать передовой опыт одной из сильнейших армий в мире.

– Все должно быть у вас в ходу: новые тактические приемы, радиодело, фотоработы, вооружение, особенно пушечное.

– Кстати, если 4-й авиаотряд будет работать успешно, мы планируем открыть на базе Липецкой школы высшие курсы усовершенствования.

– Сейчас мы дадим вам памятки по Липецку, получите подъемные, форму 1-го срока и парадную. Вашим командиром от советской стороны будет командир 37-й авиаэскадрильи майор Прокопий Прокопьевич Панькинов. Прошу знакомиться. Все вопросы – к нему. А это – наш Батя.

– Ну, их винце инен эрфольге. Желаю вам успехов.

Глава VII

Любовь-морковь

И началась наша жизнь в Липецке. Хороший городок. Зеленый. Маленькие домики. Есть даже театр, он же дом культуры. И еще один, ближе к нашей базе, ДК авиатор.

Но культура культурой, а немец нам прикурить начал давать с самого начала. Вилли Штар, майор, в Первую Мировую прошел и фронт во Франции, и наши болота в Припяти. Русский знал неплохо и требовал от нас четкого выполнения приказов, указаний, требований. Что делать, выполняли. Были на базе и старожилы, еще с 1925 года. Они базу и строили.

А летчики – ребята без фанаберий разных. Сразу стало понятно, что и летаем вместе, и бьемся – тоже вместе. Но пока ЧП не было.

А как кормили. Мы из голодной в общем страны попали в полную благодать. С квашенной капустой, сардельками невиданной толщины и пивом. По вечерам. Стали и по-немецки уже понемногу. За столом в обед слышалось:

– Герр Вася, гибен зи мир, битте, соль. Да, соль, Васек, соль, ты чё, въезжай, въезжай, Базиль.

Немцы хохотали, но добродушно.

По вечерам уже наши ребята рассказывали друг другу:

– Я вчера после танцев шпацирен¹⁸ с медхен. Деваха – хоть куда. Хинтерзиц¹⁹ – орехи колоть можно.

Немцы активно знакомились с нашим фольклором. Особенно им понравилось высказывание о бесполезном, ну, например, заправщике:

– Он, как самолет: на земле от него никакой пользы.

Одно время у нас в ангарах, то есть, в местах, где мы собираемся вместе с немцами группами, бытовала фраза – «есть свежие данные». И все начинали хохотать. Наш майор Вилли Штар только после долгих подробных разъяснений этимологии этой фразы наконец ее понял и в течение года употреблял ну по крайней мере по 10 раз на день.

Суть же дела проста:

Невеста говорит жениху:

– Милый, хочу перед свадьбой рассказать тебе о моих отношениях с мужчинами.

– Да ты же неделю назад мне уже все рассказала.

– Знаешь, дорогой, есть свежие данные.

Конечно, летное дело такое, без зубоскальства не проживешь.

Да, бились. И мы и немцы. К счастью, нечасто. Особенно, когда нам для изучения и обучения давали новые машины. Вероятно, в конструкторских бюро рассуждали – ежели

---

¹⁸ Шпацирен – прогулка (нем).

¹⁹ Хинтерзиц- задница (нем).

учреждение называется научное и летно-испытательное, то и пусть испытывают. Вот и давали нам, например, П-2, би-план с двигателем «Испано-Союза» под 300 лошадей. Аппарат ничего, но с трудом выходит из штопора.

В августе 1929 года Бенедикт Бухгольц, мы звали его Бенья, из штопора вышел с трудом и крыло потерял. Молодец, что выпрыгнул. Сам он повис на дереве у нашего клуба ДК Авиатор. Потом мы его расспрашивали, какую кинокартину он решил посмотреть. Да, молодые были.

Конечно, Бенья чудом остался жив и вечером мы все вместе с ним в столовой напились основательно. Бенья все время говорил, что нервного шока нет и он «unkrautvergehtnight»²⁰.

Жизнь была очень интересная. Новая аппаратура, новые механизмы, оптика, радио, фото. Новые машины.

Особенно, когда пришли к нам Фоккера (ФД – XI), Хейнкели и Юнкерсы. Мы вместе с немцами их испытывали, не думая, что через 16 лет эти машины будут терзать нашу землю и записывать в летные книжки победы над нами, вроде бы даже бывшими коллегами.

Да нечего говорить. Что было – то было. И как не вспомнить нашего Батю, который всегда говорил одно и то же:

– Если в самолете отважный истребитель, который ищет боя и победы, то это и есть – лучший самолет.

---

²⁰unkrautvergehtnight – мы не больны (нем).

Но эта глава совершенно о другом. Это так, занесло меня. А глава о моей любви. В общем, любовь-морковь. Она, эта «морковь», пышно произрастает везде, где только базируются авиаторы. Будь то Киев, Харьков, Проскуров и другие точки освоения неба. Девушек же мы осваивали легко. Еще бы, голубая форма, значок парашютиста, кожаная куртка и обязательно до «зеркала» начищенные сапоги. Батя нам в курилке говорил, что у летчика все может быть грязно, заштопано, плохо наглажено. И запах не «Красной Москвы», а солярки, да еще и касторового масла. Все можно простить летчику. Кроме одного. Сапоги должны быть начищены до «зеркала». Кстати, нашу бригаду от других так и отличали. Коли сапоги безукоризненны – это 37 авиабригада.

Вот с мыслями о сапогах я шел по липецким зеленым улочкам просто так. Устал очень, даже дом вспоминал редко. Решил зайти в кино. На последний сеанс.

Вот оно и свершилось. Пришла любовь. Прав, тысячу раз прав бессмертный Булгаков, которого я прочитал совсем на излете своего «полета». Да, любовь как убийца, неожиданно стремительно выскакивает из-за угла и бьет в самое сердце. Ножом.

Оказалось, что рядом со мной сидит девушка. Да ладно, девушек мы уже видали. И разных.

В общем, все кино мы проговорили. Шёпотом, конечно. И когда вышли после сеанса, не могли остановиться. Про книги, которых я никогда не читал. Про музыку, о которой я не имел никакого представления. Про художников.

Этому потоку культуры я мог противопоставить «Наставление по полетам в сложных метеоусловиях». Но не рассказывать же об этом, на самом деле.

Но далее все пошло, как говорят, во внештатном режиме. Девушка, к моему удивлению, просила ее не провожать

– Нет, нет, я тебя прошу меня не провожать. И вообще нам видеться не надо. А то я буду тебя отвлекать от полетов. – И она улыбнулась. Почему-то грустно.

Моя настойчивость успеха не имела. Надя, так ее звали, ушла быстро. Я же растерялся и даже не пошел следом. Так и стоял оглушенный.

Ребятам вечером все рассказал. И как познакомился. О чем говорили. Как я ее проворонил. Упустил. Мама бы, конечно, усмехнулась и сказала: «Ты, Файтл, все-таки шлимазл²¹. Но не огорчайся, будут еще девушки, которые уж от тебя не уйдут».

Увы, мамы со мной нет. И не могу я ей сказать, что больше никаких девушек у меня не будет. Никогда. Только эта.

Ребята отнеслись к этому моему мимолетному знакомству по-деловому. Предложили вечернее дежурство у киноклуба. Только скажи, какая она, и все будет по классу люкс. Только

---

²¹ Шлимазл – растяпа (идиш).

не сорвись в штопор. И хохотали.

Да, друзья, молодость. Кажется, сколько еще будет их, девушек. Соня, Роза, Вера, Жанна, Маша, Элка даже. Но вот у меня все-таки произошло не как у всех людей.

Теперь в редкое свободное время по вечерам я бродил по аллеям у Дома культуры. Искал.

Ребятам же сразу объяснил, что задача поисков невыполнима. Ибо – я не мог рассказать о девушке самое главное – как она выглядит. Друзья были в полном недоумении. Может, тебе вообще все померещилось? Ты не пил перед сеансом? Нет, ни грамма. Ну хоть волосы какого цвета? Глаза. Рост, наконец, – вопрошали меня мои друзья-командиры. Увы, безрезультатно. Я ничего не помню, кроме голоса, чудного смеха и аромата весны, свежести, любви. Да, да, пахло от этой девушки не «Красной Москвой» или «ТЭЖЭ», а пахло свежестью и любовью.

Да, вспомнил! Когда она сказала, что будет мешать полетам, я спросил, откуда она решила, что я летчик. Надя улыбнулась. Да по сапогам. У летчиков они, как правило, всегда блестят. Хотя бывают и исключения.

Нет моя девушка ни на что не похожа. И потом, как искать. А ежели она замужем! Тупик.

Я бросил поиски и полностью погрузился в полеты. Осваивали Поликарповские И-15 и И-16. Истребитель И-16 – моноплан и в полете был менее капризен, чем его предшественник биплан И-15.

Немецкие курсанты, а на самом деле уже опытные летчики, прошедшие Первую Мировую, обкатывали «Мессера», «Фоккера», «Дарнье».

Однажды пошёл в библиотеку посмотреть свежие газеты. Готовился к очередной политинформации.

Сижу, выписываю серьезные фразы о текущем политическом моменте и ситуации вокруг нашей страны. Как всегда, нам все угрожают и необходима бдительность. В общем, «... Над Амуром тучи ходят хмуро...» Задумался я и стало мне что-то грустно. Уже почти 35 годков. Да, звания идут, как говорят, в штатном режиме. А ни семьи. Ни детей. Ни даже любимой. В этот момент кто-то легонько трогает мое плечо.

Надя!! Как же я не почувствовал, что в воздухе библиотеки уже давно запах свежести и любви.

Дальше все я проделал стремительно. То есть, схватил Надю. За руки, на глазах изумленных читателей быстро вывел ее на крыльцо и не давая ей ничего сказать, ни возразить, буквально выкрикнул:

– Ты даже не представляешь, что происходит. Я люблю тебя. Только тебя. Я уверен – мы созданы друг для друга. Никто другой не может нам помешать. Нам необходимо пожениться. И срочно. Я сейчас иду вместе с тобой к тебе. Хочу познакомиться с родителями и завтра утром – в загс. Нам никто не может и не должен помешать. Я тебя люблю так, как нормальные люди любить не могут. Верно, я сошел с ума. Но мое помешательство неизлечимо.

Надя улыбнулась, но неожиданно стала плакать.

– Федор, я тебе уже говорила, у нас ничего не может быть.

Это – невозможно и лучше тебе знать об этом сразу и понять. И принять. Мы не можем быть вместе. Вот и все.

Баах! Как крыло отлетело, и я лечу на новом ЯК-1 вниз. И парашют не взял. И холод. Страшный холод внутри живота. Все пропало. Сейчас разобьюсь.

Такое отчаяние мной овладело, что я не отступаю. И не отпускаю рук Нади.

– Даже если муж против. Я его уговорю. Я объясню ему, что мы созданы не для других. Созданы мы друг для друга и только так.

Но к мужу идти не пришлось. Мужа не было. А я Надю в этот день не отпускал вовсе. Она еще один раз сделала попытку уйти, но не тут-то было. Все-таки я – истребитель. Верно, мама думала обо мне. И сказала бы: «Ну ты, Файтл, все-таки не полный шлимазл. Вот видишь, если это большая у тебя любовь, то наверняка девушка должна быть очень хорошая. Не отпускай ее».

Я так и поступил. И проводил домой. Нарвал где-то цветов. В станционном буфете забрал все шампанское. Ребятам со станции же позвонил, просил доложить по службе, что вывихнул ногу. Все это проделал на одном дыхании, как «бочку» завертел или «иммельман»²²

В этот вечер, эту ночь я был счастлив совершенно. Надя

---

²² «бочка», «иммельман» – фигуры высшего пилотажа.

все шептала – не торопись, ты не в полете.

И все было мое. Я ни о чем не жалел. Ибо время остановилось. Я даже не знал, что сейчас – ночь, день, утро. К моему удивлению и Надя потеряла ориентацию. Выходила в сени. Там грохотали тазы, ведра.

– Прости, милый. Я совсем голову потеряла, – говорила Надя и вдруг шептала слова модной в те годы песенки запрещенного белоэмигранта Вертинского: «...у ней такая маленькая грудь, на ней татуированные знаки...»

Мы сошли с ума. И навсегда.

Как я благодарен нашему Бате. Он как-то раз собрал нас, небольшую группу вернувшихся из увольнения и сказал некое назидание. А оказалось, что сказал он нам, желторотым, да еще в прыщах, мудрые слова.

– Вот что, военлеты. У вас девушки будут. Женщины. Даже жены. – Он вздохнул почему-то. – Вот вам мой совет. Никогда не интересуйтесь их прошлой жизнью. Ни – кто. Ни – сколько. Ни – кто лучше. Вы прежде всего должны женщину свою уважать. Даже если она и сиюминутная. Она вам все сама расскажет. А ежели не расскажет, то и не надо. Значит, она вас не очень ценит. Поэтому наслаждайтесь, любите и будьте настоящими мужиками. Теперь – отбой!

Мы запомнили слова Бати на всю жизнь. И я, конечно. Тем более, радовался, что мужа нет.

Утром мне Надя рассказала про себя. Мама ее умерла давно, они живут с папой. Он – стрелочник на нашей липецкой

железнодорожной станции. У нее сын, ему теперь уже три года. Если ты останешься и захочешь, я вас познакомлю.

– Как это – захочу! Как это! Конечно. Немедленно.

– Нет, не немедленно. Он в деревне у тети. Вот немного подождем да может и съездим к ним.

– Да, да, съездим. Я сейчас сбегаяю к командиру, отдам ему заявление. – На ее удивленный взгляд поясняю: – В армии так принято. Хочешь жениться – пиши заявление командиру части. Он рассмотрит, что за девица, каких кровей да кто в роду у нее. И даст добро.

– Нууу, – протяжно произносит Надя, – нам точно не даст твой командир разрешения. Да и ладно. Ежели ты согласный, то и так будем жить. Если это – любовь.

– Пойми, Надя, меня никто не разлучит с тобой. И плевать. И еще. Ежели ты не против, я твоего сына усыновлю. Теперь твоя задача – родить мне дочь.

И снова бедная кровать начала испытывать такие перегрузки, что папа Надин как-то даже сказал:

– Ты бы, Федор, диван, что ли, приобрел. В качестве запасного аэродрома, как у вас там говорят.

– Да я согласен, куплю диван. Он крепче.

А документ-заявление я нашему Бате передал. Мол, так и так, хочу жениться на местной девице Надежде Журавель, пролетарского происхождения, член профсоюза.

Оказалось, Надежда в чем-то была права. Ибо Батя, который такие листочки даже и не читал, в моем случае вызвал

на собеседование. Беседа была пустая: хорошо ли я подумал, знаю ли семью этих «Журавлей», известно, что у нее ребенок. А кто отец? Как в твоей семье относятся к этому браку. Как с бытом, в том смысле, где жить-то будете.

Я отвечал четко, ясно, без «соплей», по-партийному. Значит так: подумал – хорошо и даже очень. Отец Надежды – путевой обходчик, но не пьющий. Мать – скончалась. Про ребенка, конечно, знаю, но теперь это – мой ребенок. И только так. В моей семье отнеслись к браку вначале отрицательно, по религиозным мотивам. А затем примирились. Ведь другое время, иная эпоха, товарищ командир.

Да, да, покивал головой Батя. Ладно, иди, женись.

Вечером Надежда пыталась мне рассказать про свою личную жизнь. Как, мол, образовался мальчик по имени Герман трех лет от роду. Я, честно, слушать не стал. Только спросил, не нарисует ли отец. Нет, ответила Надя, отец не нарисует. И еще я спросил, что, любит ли она этого «отца», на что получил ответ вполне искренний:

– Да, Федор, я любила этого человека. Но он не мог жениться, хоть и не из трусливых. Меня отпустил. Но я зла не держу. Давай-ка, расскажу тебе подробно все про мои дела грешные.

– Брось, Надя, мне это совсем не интересно. Я вот инструмент купил, с Геркой будем строить модели самолетов. А там, глядишь —...

– Нет, нет, никаких самолетов. Хватит мне за тебя волно-

ваться. Лучше пусть будет по паровозной части. Иди пить чай, тебе завтра рано вставать.

Вот так началась моя семейная жизнь.

Нас расписали быстро. Так же быстро выдали документ об усыновлении. И стал я одновременно и молодым мужем, и молодым отцом. Кстати. К мальчику мы поехали сразу после загса. Да с форсом. На мотоцикле. Найди, читатель, мотоцикл у гражданина СССР в Липецкой области в 1928 году. Либо в Воронежской. Либо вообще, в европейской части СССР. А мне в части дали немецкий БМВ, мол, при свертывании школы вернешь. Но хорошо известно, ничего не бывает надежнее временного. Раз временно, то и навсегда.

Познакомил я Надю с моими летунами. Наши ребята откровенно пялили глаза, не скрывали того, что скрыть невозможно и все галдели «горько, горько». К месту и не к месту. А немецкие летчики к Наде относились даже чрезмерно уважительно. Величали ее фрау Запрудный и при каждом случае дарили цветочки разные. Все это буржуазное внимание мне не очень нравилось, но эмоций не проявлял. Все же — одна мы стая. Летуны.

Так вот, на мотоцикле махнули мы в деревню, что под Липецком.

Не, не зря я так с ходу усыновил этого мальчика. Вы бы видели, как он ко мне бросился. И не отпускал меня. Конечно, мотоцикл. Конечно, мой шлем и летные очки. Игрушки были проигнорированы, а вот ящичек с инструментом

для моделей пришелся совершенно вовремя. После вручения ящичка мы Германа не видели и не слышали. Вернее, слышали только сопение. Но кто сопит, то ли

Герка, то ли Тузик, который внимательно наблюдал за действиями мальчика.

Вот какая у меня стала счастливая жизнь. В 1928 году!

А тут еще недалеко от нашего «Вифупаста» нарисовался домик почти бесхозный. Ибо пожилая владелица переехала, в силу ветхости организма, к дочери, а домик просто бросила. Я его и подобрал. В смысле, купил. И не дорого. Не даром все-таки я Файтл.

Кстати, Надежда меня спросила, какое у меня было прозвище в детстве. И услышав – цапля – долго смеялась. Еще бы – теперь у нас цапля в камышах, а журавель – в небе. Верно, читатель, зовется все это счастьем.

Кстати, Батя мне намекнул, что если у офицера есть жилье, то командование стремится оставить его при этом жилье. А то, что Липецкий аэрокомплекс не прекратит свою деятельность, и ежу было ясно.

Вот так, можно сказать, стал я оседлый военнослужащий.

Но одно меня в нашей прекрасной любовной жизни с Надей меня удивляло. Я не мог рассказать, какая она, моя возлюбленная. И теперь, уже сколько десятилетий прошло, не могу вспомнить. Кроме смеха, запаха невыразимой свежести и ее задыхающегося голоса по ночам. Вот ведь как.

А в 1930-е годы жизнь начала преподносить сюрприз за

сюрпризом.

Глава VIII

Италия

Хорошего не бывает много. Мы все это почувствовали, когда руководство нашего «секретного» 4-го авиаотряда 38-й авиаэскадрильи ВВС (о котором знал, конечно, весь Липецк и прилежащие города, деревни и поселки) объявило, что к 1933 году школа будет закрыта и все немецкие специалисты, естественно, будут отправлены в «ихний» родной «фатерлянд».

Эту новость все мы, летчики специальной подготовки, приняли с огорчением. Да и все население городка – однозначно. Мы, летчики, лишались ежедневных тренировочных полетов, в том числе и в ночное время. Не думая о горючке. Не будет у нас совместных с немцами воздушных боев. Прощай, новейшие авиационные пушки Круппа. А оптика. Каждый из нас уже приобрел по биноклю Цейса. Конечно, в обмен на наши часы и Московскую.

Наземный персонал терял технику освоения новых двигателей, методику обслуживания машин. А радиоаппаратура. Мы еще долго различного рода знаками показывали звену, что нужно делать.

Теперь даже не интересно стало проводить пикирующее бомбометание. С кем соревноваться то? Да и машины немцы, верно, заберут. Далее, сразу становятся неутешными на-

ши милые подавальщицы, поварахи, медсестрички и прочий обслуживающий женский персонал.

Но! Остались уже навсегда дома и квартиры немецкого персонала, прекрасные ангары, ремонтные мастерские. Арсеналы.

Немцы увозили своих погибших. С 1930 года почти каждый год у нас начали происходить ЧП. В 1930 году – столкнулись две машины – Фоккера – один стрелок погиб. В 1931 году не успел выпрыгнуть с самолета, который потерял обшивку крыла, обер-лейтенант Платц. В 1932 году – трое погибших. В 1933 – один.

Школа закрылась. Безусловно, польза для нас была колоссальная. За 1925-29 годы обучение прошли более 140 наших летчиков, в основном – истребителей, и свыше 40 авиамехаников. Теперь они стали на вес золота. Блестящие мастера.

На базе нашей секретной в 1934 году была создана Высшая лётно-тактическая школа ВВС. Ряд наших лётунов оставили инструкторами. В том числе и меня. Надя была счастлива. Герман пойдет в школу. А пока Герка все свободное время проводил на аэродроме. Пыхтел, но таскал за мастерами тяжелые инструменты и уже прекрасно разбирался в типах самолетов.

У меня же день был так загружен работой, что я забыл – немцы перед отъездом просили меня прийти на прощальный скромный ужин по случаю отбытия.

Собралось все наше руководство – Батя, замполит, нач-

штаба, особист (как же без него). Пили немного. Женщин не было. Вспоминали. Неожиданно майор Штар, начальник штаба, произнес прочувствованные слова. И пожелал: чтобы нам никогда не встречаться в небе в боевых условиях. Мы поддержали. Ведь мы – «...мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути».

Уже расстались, завтра с утра немцы улетали. Меня неожиданно на прощание обнял механик Блах и прошептал:

– Не верь Адольфу.

На мои пьяные вопросы – что, как, почему, да и кто это, Адольф – ответил коротки:

– Не верь.

Вот так мы и расстались с нашими немецкими коллегами. Еще просили любить и беречь Надю. Это я и без них знаю. Наде они передали коробку конфет. Шоколад в ликере. Надя просила, чтобы я отвез эту коробку моим в местечко. Что я и сделал. Вот было восхищение. И я чувствовал – меня любят. Все мои. И мы снова вместе. Хоть ненадолго – вместе.

А по возвращении меня срочно вызвали к Бате.

Батя, как всегда, не стал ходить вокруг да около.

– Вот какое дело, Запрудный. Да не тянись. Сядь.

Поступило распоряжение штаба ВВС о командировании в Москву опытного штурмана и летнаба в одном лице. Освоившего ТБ-3. Лучше тебя нам не найти. Скажу по секрету – речь, вероятно, идет о подготовке перелета нашей новой техники. Впрочем, узнаешь все уже в Москве.

Явиться нужно к председателю Осовиахима Рудольфу Эйдеману. Он возглавляет авиагруппу по перелету. Когда, куда и зачем – он и расскажет.

Я явился. Эйдеман – крупный мужчина – непрерывно курил и все время с кем-то говорил по телефону. Время на меня, однако, нашлось.

– Садитесь, полковник, – произнес он недовольно. Как будто это я отнимаю у него драгоценное время. Коротко посвятил меня в суть дела.

– Правительством принято решение, – важно он начал, – организовать визит советской делегации ВВС РККА в Италию. Он состоится как ответный на посещение Одессы итальянскими гидросамолетами, о чем вы, полковник, вероятно, знаете. (Ничего подобного, сидя в своем Липецке, я не знал). Вот, прочтите выписку из протокола заседания Политбюро от 20 августа 1933 года. – И выписку мне протягивает. Я ее прочел. Времена были еще не очень «лихие», но ознакомление с секретным документом потребовало от меня расписки в первом отделе Осовиахима и в спецотделе. Почему я расписался за прочтение документа в двух отделах – не пойму до сих пор. Привожу, кстати, этот протокол, который я при ознакомлении удосужился-таки переписать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.